

16+

Елена Трещинская
Снежная Королева живёт под Питером

Елена Трещинская Снежная Королева живёт под Питером

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55595419

SelfPub; 2020

Аннотация

11 захватывающих сказок известной актрисы, режиссёра, сценариста и кукольных дел мастера. Эти сказки – вроде вазочки с разными сладостями. Тут и печеньки, и цукаты, и зефир, и квадратики шоколада, и орехи, и сухофрукты. Выбирайте, что вам по вкусу. Волшебные, трансформирующие, фантастические и реальные. Для детей и взрослых, которые остались детьми.

Содержание

Пушкин дремлет	4
Гаремная	11
Снежная Королева живёт под Питером	19
Феи в укрепе	38
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Пушкин дремлет

Под Старый Новый год после спектакля Мастер закрыл шкаф с куклами и ушёл. А у кукол начался было праздник, но получился настоящий балаган.

Зачинщиком безобразия был Петрушка. Он предложил всем махнуть в декорации пушкинского домика в Михайловском. Это был старый буфет, перестроенный для спектакля о поэте: на первом этаже (полка буфета) как бы жила Арина Родионовна. Там висела иконка с лампадкой, стояла печка и аккуратно застеленная кроватка, на которую все и уселись. На кровати поэта, на втором "этаже" буфета, был страшный беспорядок (по замыслу спектакля): взъерошенная простыня, подушка на полу. Поэт как бы уронил её, и она валяется. Мастер её даже на клей посадил.

Но сначала было не так. Кукла Пушкин всё время молчала, а Петрушка хотел развеселиться и предложил "налить" поэту. На что Пушкин изрёк первые и последние за этот вечер слова: "А где же кружка?"

И тут все так обрадовались его голосу! Весело толкая друг друга, куклы долго искали кружку или "налить", но не нашли, потому что в театре ни того, ни другого отродясь не

было в реквизите.

Тогда было предложено поиграть, как будто все уже во хмелю, но знойная Зарема упёрлась.

– А ты напряги сознание, – посоветовал Петрушка, – и притворись, что ты уже пьяненькая!

– Сознание – штука хитрая, – мрачно заявил Фауст, – фиг сдвинешь.

– А тогда ты его бытиём попробуй, – настаивал Петрушка, – сорвём тормоза! Не актёры, что ли?

Тут Пушкин икнул, все восприняли это как сигнал и уже сразу "пьяные" повалили в буфет, к Родионовне на кровать. Русалке не хватило места, но она уселась на колени к Моцарту. Тот не возражал. Сальери возился в углу с шарманкой, пытаясь её наладить. Родионовна смирно поправила на стене картинку, вышитую бисером, и куда-то запропастилась до утра. Петрушка потряс Пушкина за плечо:

– Хорошо, что он молчит. Сегодня я за него буду его сказки рассказывать.

Куклам, как существам, привычным к тому, что мир полон разных реальностей, было ясно, что Родионовна рассказывала Пушкину одно, он записывал другое, все читают третье, а Петрушка собрался всё это излагать по-своему. И он начал.

– Жил-был царь Дадон в своей земле... Читай: человек,

точнее не скажешь. Совершенный дадон. Ни выводов, ни размышлений. Ест, спит и моргает. Сплошная немощь. А с жизнью же так нельзя, – одни авансы иметь. Ну и долежался до испытаний.

Является к нему лучшая треть его существа – Мудрец. Но Дадон и есть дадон, он сам себя не признал, а увидел только постороннего старикашку. А тот с подарком:

– На, – говорит, – тебе будильник золотой в виде петуха, чтобы ты лихо не проспал.

Дадон по имени и сути понял всё буквально. Нет чтобы внутри себя лихо стеречь, – он птицу прицепил в центре города, чтобы иноземного врага наблюдать. Некоторые многие так с ценными вещами и поступают: приспособливают к своим глупостям, хоть не доверяй им волшебные вещи! Хорошо ещё орехи металлическим петушком колоть не стал... Ну и ладно петуху, он своё дело знает, заводной.

А лихо всякое не простое: как внутреннее лихо подымается, а на него не обращают внимания, так оно снаружи появляется. Так и тут было. С одной стороны, Дадон опять ленью изошёл, а с другой стороны, иноземцы пошли на царство.

Петух-молодец тут по обоим лихам звонить и начал. Все забегали. Дадон – ну искать на минус хоть какой-нибудь плюс. Поскрёб и нашёл своих двух сыновей, последние сокровища души своей. Одного за другим на иноземного врага напустил.

Ушли дети и не вернулись. А петух опять кукарекает.

– Бедненький Дадон! – вдруг встряла Русалка. – Кто же курий язык понять может? Мало ли что он там говорит? Почему словами не объяснить человеку, где у него лихо?

– Дорогая рыба, сказка эта про несознательность человечества, – пояснил Петрушка. – Будильников у него было – хоть пруд пруди, хотя бы и писателей, которые своим творчеством старались человека ото сна избавить. Будили, будили! Толстой всей глыбой наваливался, Достоевский доставал, Горький горечью сыпал, – авось поедят, проснутся, Блок – блоками, кирпичами, Маяковский маячок давал, Чехов чехвостил мягко, как врач, Крылов крыльями махал, чтобы туман рассеять для ясности, Зощенко тоже хорошо писал, а Пушкин – пушками палил!

– Ладно, продолжай, – распорядилась Зарема.

– Так вот. Петух звонит опять, а послать некого. Сам собрался Дадон. Доехал до шатра в блёстках и уже дивится. А когда из шатра тётка в прозрачных штанах вылезла, так и готов стал.

Не привыкши в жизни всё мудро рассматривать, Дадон видит только Шемаханку в сапфирах и кольцах и больше ничего в ней не видит.

– А что это за загадка? – спросил Моцарт.

– Шемаханка эта только с виду иностранная красавица-царица, а так – это Майя.

– Чего? – Зарема нахмурила чёрные брови.

– Встретился, братцы, Дадон, как и все люди в жизни встречаются, с Майей. А это – мишура, все губительные прелести мира, как то: чрезмерные удовольствия, шипучие страсти, жизнепрожигание, иллюзии и мгла. И всё это олицетворяла собою Шемаханка. Сплошную ловушку. Дадон попался. Ну что? Сел и поехал, держа в объятиях всю эту дрянь. Но тут, в надежде спасти остатки его разума, на помощь является его внутренний Мудрец (Дадон думает, что он внешний) и просит:

– Отдай мне, – говорит, – Шемаханку, хотя бы как плату за петуха.

Хотел он не Шемаханку, а, как друг, желал Дадона от иллюзии избавить. Но царь Дадон-то видит бабу! Рассердился и последние свои мозги вышиб: убил палкой Мудреца. В себе. И снаружи.

Шемаханка, как и положено иллюзии, тут же растворилась в никуда, а петушок видит такое дело: вроде был Дадон, человек, а стал, даже в глазах петуха, совершенным ничтожеством, вроде червячка.

Ну, петух его и склевал.

Все молчали.

– Ай да Пушкин, – затыкала злая петрушкина собачка Муха из спектакля "Балаган".

– Не тронь поэта! Это петрушкина шизофрения, – сказала

Русалка.

На что собачонка злобно ответила:

– А ты хоть бы в общество титишник надела!

После этого сразу никто не посмел взглянуть на сто раз всеми виденные голые грудки Русалки. Только пару минут спустя, кое-кто таки глянул украдкой на них, но сразу увёл глаза от всем ясной мысли: Русалка в бюстгальтере – это гадко. Всё-таки природа, пусть будет самой собою.

– Почему, собственно, прелести жизни обязательно губительны? – чмокнул Русалку Моцарт.

– Есть прелести, а есть радости, – натявкала опять собачка Муха.

– Думаю, так, – поскрёб шапку Петрушка. – Прелести губят, а радости спасают.

– А как их различать? – озадачился по своей привычке Фауст.

Подала голос Зарема:

– Эх, богослов, это твоя сказка. Только сам ты не Шемаханке поддался, а кому похуже. Выводов так и не сделал?

– Братцы мне не в радость эти разговоры. Вся эта нудная внутренняя метаморфоза...

– А я люблюсь толстухами, выбирающими выпечку!

– У кого будни, а у кого – блудни. Вот и вся разница.

В этот момент пришла Арина Родионовна. Она, игнорируя вечеринку, молча подошла к задремавшей кукле-Пуш-

кину и подоткнула ему под спину вышитую подушечку. Потом окинула всех строгим взглядом и вздохнула:

– Мелете, мелете, что молоть? Всё же ясно, как в сказке. Каждый сам себе всё выбирает. Только сначала знай, что за всё, что выбрал себе, сам и отвечаешь. И нечего на прочих пенять.

В этот момент Сальери починил шарманку. Она фальшиво заныла и заквакала что-то приятное.

И Пушкин засмеялся.

Гаремная

– А ну-ка, пусть этот сарацин расскажет что-нибудь, – взмолились куклы.

Это относилось к маленькому Арапчонку с опахалом, который шалил в шкафу целыми днями, и всем надоел.

– У него, небось, в голове вообще ничего нет, не то что сказки, – ворчал Медведь в ошейнике.

– Что зря говоришь? Пусть он и скажет, – велел Цыган, связанный с Медведем цепью.

Арапчонок покорился не сразу. Он сделал пару выражений, прикинувшись глухим, кого-то толкнул, что-то дёрнул и успокоился, только когда стукнулся головой об полку.

– Ну же, есть у тебя сказка или нет? – спросили его.

Арапчонок молча тёр голову.

– Спроси лучше, осталось ли чего после такого удара, – тихо бурчал Медведь.

– Слушайте. Кое-что есть, – как ни в чём не бывало про-

пищал Арапчонок.

Ночь поставила свой шатёр над половиной мира и украсила звёздными коврами арки на террасах гарема Султан-шаха. Девять его жён сидели кружком и ждали десятую. Наконец она явилась.

– Ну, – спросили женщины, – стала ли ты ему женой?

– Да, – ответила Десятая, – Султан-шах вскрыл замок.

– Что он сказал тебе?

– Что мои глаза украли бы для себя газель, а внутри губ у меня приятно, как внутри глубинной раковины моря.

– А сказал ли он тебе, что фонтан похитил бы прохладу из твоего рта?

– Да.

– А говорил ли Султан-шах, что груди твои – как две грозди винограда?

– Да, говорил.

– Не забыл ли он сказать, что пупок твой полон щербета?

– Сказал.

– Заметил ли он родинку у тебя под коленом?

– Заметил.

– Что он подарил тебе?

– Вот!

Десятая жена показала золотой венец в бирюзе и изумрудах.

– Слава Аллаху, – сказали женщины.

После чего они поели халвы, намазали головы хной и лег-

ли спать.

Однажды десять жен Султан-шаха сели в кружок лакомиться ломтями дыни и перечислять подаренные мужем драгоценности, дивные ткани, парчовые туфли, ковры, вазы, попугаев, заводные игрушки, шкатулки и многое другое. Султан-шах был богат и щедр, да продлит Аллах его счастливые годы.

Но нечаянно женщины задались одним вопросом, который на долгие дни беспокоил их: может ли каждой из них принадлежать то, чего нет у другой? И что бы это могло быть?

Вопрос не нашёл ответа в тот день.

Женщины доели дыню, намазали головы хной и легли спать.

На другой день к ним, как всегда неожиданно, прилетел Дэв, и они задали свой вопрос ему. Дэв ответил как обычно – сразу и непонятно.

– Всё, – сказал он так и улетел.

Женщины хорошо знали, что дэвы слов на ветер не бросают. Они молча наелись лукума, намазали головы хной и легли спать.

Наутро следующего дня жены Султан-шаха попытались обсудить ответ Дэва.

– Как может одному принадлежать всё? – спросила Третья жена.

– А разве нашему супругу, да будет он славен и здоров, не принадлежат горы, моря, пустыни, города, верблюды... – до вечера они перечисляли богатства своего мужа.

Было уже очень поздно, когда уставшие красавицы поели немного сладкого плова, навели брови, намазали головы хной и легли спать. Другой день принёс неприятные открытия: пожалуй, Султан-шаху не принадлежит небо, а также Луна и солнце. А Четвёртая жена выкрикнула сущую глупость:

– Говорят, у индийского царя – сто жен!

Женщины почему-то разгневались и промолчали до вечера.

Перед сном они велели принести сдобы с орехами, мёда, намазали головы хной и легли спать.

А когда наутро евнух принёс им розовой воды для умывания, жёны накинулись на него и чуть не оторвали ему косичку на темени.

– Может, ответ – звёзды? – спросила Восьмая жена о наиболее мелких предметах на небе, чтобы как-то продолжить желанное дознание.

– Звёзды тоже, пожалуй, не принадлежат Султан-шаху, владеющему половиной мира, – ответила на это Девятая.

– И потом, если ты считаешь звёзды своими, то каждая из нас может так думать про себя, – сказала Первая, сама старшая жена.

Никто из женщин не хотел беспокоить Султан-шаха этим

вопросом, хотя их внутренности жгло, как от самого сильного перца. Вторая предложила отведать кокосового вина, чтобы не так пекло, но это не помогло.

Тогда они съели немного инжира и фиников, запили их молоком, намазали головы хной и легли спать.

В один из дней, когда десять жён купались в мраморном бассейне с лилиями, опять прилетел Дэв. В руках у него была Волшебная Книга.

Женщины поспешно покинули воду, обернули свои влажные тела в тончайшие ткани и легли на ковер слушать Дэва. Первая жена завернулась в лиловый цвет, Вторая – в зелёный, Третья – в малиновый, Четвёртая – в жёлтый, Пятая – в синий, Шестая – в розовый, Седьмая – в лазоревый, Восьмая – в сиреневый, Девятая – в оранжевый, а Десятая – в алый. Прекрасные одалиски, как клумба редких цветов, окружили старого, морщинистого серокожего седого Дэва. Страницы Волшебной Книги, как им и положено, чуть светились голубым.

– О пери, – обратился к женщинам Дэв, – я нашёл ответ на ваш вопрос.

Жены помоложе повскакивали с мест, с них соскользнули ткани, обнажая белые, розовые, золотистые и шоколадные тела. Жены постарше воздели руки, обнажая только грудь.

– Ответ находится в этой Книге, где записано ВСЁ, – и далее Дэв прочитал страницу древнего манихейского текста.

"Земля Света – самосушая, вечная, чудотворная; высота

её непостижна, глубина её неподвластна взгляду. Никакому врагу, никакому злоумышленнику по этой земле не пройти. Её божественная поверхность – из алмазного вещества, которое никогда не разрушится. Всё прекрасное порождено землёю: холмы, нарядные, красивые, сплошь покрытые цветами обильными; деревья, плоды которых не падают, не гниют и не знают червоточины; ключи, вечно точащие божественную влагу, исполняющую всё царство света; луга и рощи, бесчисленные дома и дворцы, троны и ложа, которые существуют бесконечно, от века и до века..."

Дэв закрыл глаза.

– Значит, то, что принадлежит всем – Земля Света? И у каждого она есть своя? А где же она? Как достичь её? – спросили жёны одновременно.

– Она – внутри каждого человека и поэтому принадлежит всем. Это и есть Истинный дом человека.

– И нищих тоже?

– Любого и всех под этим Солнцем.

– А почему же мы не знаем её? – спросила Шестая жена.

– А разве вы её искали? Вы заняты другими делами, – спокойно зевнул Дэв, захлопывая Книгу. После чего он улетел, оставив обычный дымок.

Женщины гарема больше не вернулись к этому вопросу никогда. А в тот вечер они были почему-то веселы, много смеялись, играли в мячик и шашки, пели...

Султан-шах позвал к себе в покои Пятую жену, а осталь-

ные, навеселившись, вкусили шоколада, фруктового льда, намазали головы хной и легли спать.

– Хорошо сказки сказывать, – рыкнул Медведь, – а вот взять прямо сейчас да и пойти на Землю Света, – так не понятно, где она, даже если внутри. И вообще, касается ли этот факт медведей на цепи?..

– А сказали же: всем она принадлежит и каждому. Притом и вся её безмерность, – сверкнул серьгой Цыган. Он всегда был ближе всех к Медведю.

– Бразерс, – поднялся из угла мягкий голос, и на свет, поближе ко всем, вышел обычно немногословный Гамлет. Ему хватало слов по роли на сцене. – Речь в этой сказке о Радости. Она принадлежит всем и каждому, действительно без ограничений. Истинную радость приятия не замутят ни враги, ни скоропортящиеся продукты, и каждый в ней – царь себе. Повода для грусти в ней нет, точно. И в монаршей власти каждой души, в её свободной воле – быть там, в Радости, или не быть! Она – основа мира, холст, на котором каждый создаёт свой шедевр.

– Хорошо тебе рассуждать, – проворчал Медведь, – ты вон, принц, свободен дальше некуда.

– А что тебе мешает? Какие цепи? – спросил Гамлет.

Медведь чувством понял, что речь не о дешёвой цепочке на его лапе. Он скосил глаз на Цыгана, на руке которого была та же галантерейная мелочь.

– Не знаю... Что нам мешает свои благородные желания исполнять на всю свободу... Страхи? Грехи, что ли? – Медведь сопел.

– Не выдумывай, какие у тебя грехи? – погладил его Гамлет. – Никаких грехов для Бога не существует, потому что Он и есть РАДОСТЬ. А из чего она состоит? Из радостей других. И не некоторых, а всех. А когда все радуются? Когда исполняются их желания. Вот Господь и занят исполнениями, хочет, чтобы все дети его радовались. И всё!

– Значит, всё, чего я пожелаю, сбудется? – Медведь сглотнул глупый комок в горле и обнял Цыгана и Гамлета.

Снежная Королева живёт под Питером

Если обычную воду из-под крана заморозить как следует, она освобождается от вредных примесей и становится чистой. Вот и вся сказка о Снежной Королеве.

Однажды мастер кукол куда-то поехал. Куда – куклы не знали. Он положил в небольшой кожаный чемодан чистую рубашку, носки, записную книжку и двух кукол: плясунью Сиситу и мага Румбольшто.

В поездке куклы несколько раз представляли перед публикой. Сисита плясала, а Румбольшто превращал её в разные предметы и обратно.

Внутри чемодана было темно. Куклам-артистам не привыкать к этому. И всё же маленькая дырочка в коже чемодана позволяла пользоваться ею как окошком. То куклы видели, как Мастер пьёт чай в поезде, то перед ними мелькали обсыпанные снегом кусты. Ведь была зима.

Очень обидно, что чаще, чем кукол, Мастер вынимал свою записную книжку и что-то писал в ней. Куклы предположили, что Мастер сочиняет новую сказку и, как только блокнот оказался опять в чемодане, деревянные артисты ре-

шили его полистать.

Головы у обоих были деревянными с раскрашенными личиками. Маг Румбольто красовался в тёмно-бордовой мантии с золотыми звёздами, чёрном бархатном колпаке и золотых туфлях. Его кудрявая седая борода свисала поверх пышного воротника из алого газа. Сисита блистала золотым корсетом из парчи с двумя клюквенными бусинами на каждой грудке. В пляске она размахивала красной капроновой юбкой, показывая сиреневые чулки и стуча золотыми туфельками.

Мастер действительно сочинял сказку.

Жили-были мальчик и девочка. Девочка по имени Герда, а мальчик по фамилии Каев. Они с раннего детства жили в одном дворе, закончили одну школу. Потом Каев ушёл в армию, а Герда его ждала, учась на компьютерных курсах и подрабатывая в редакции одного журнала курьером.

Когда Каев вернулся, они поженились, сняли комнату и стали жить вместе.

Как-то Герда принесла в редакцию несколько рисунков Каева. Их напечатали в журнале, разместили в Интернете, затем последовала небольшая выставка его графики, заказ на оформление книги, ещё одна выставка, с которой раскупили почти все его работы. Его приглашали на приёмы и презентации, в модных журналах помещали интервью и статьи о нём. Телевидение, встречи, новоявленные поклонники, за-

казчики, – словом, в короткий срок богемная жизнь слопала Каева, как жаба комара.

Вскоре по "Европам" он ездил один, а Герда всё работала в редакции, по вечерам пила чай с хозяйкой квартиры, интеллигентной старушкой, разводившей цветы сверх всякой меры.

– Богема его съела, – вздыхала Герда.

– Жизнь, а не богема, – прихлёбывала чай старушка.

– Он всегда знал, что он гений. И я знала, – удерживала слёзы Герда.

– Поставил себя выше жизни – получит от неё по носу, – колола сахарок старушка.

Каев возвращался из "Европ" нехотя, тихо раздражаясь дома всему. Ткнувшись поочередно в четыре угла комнаты, сразу же уезжал в свою мастерскую. Он действительно много работал: надо было выполнять контракты, но Герда чувствовала сердцем, что любовь его к ней – увы – остыла. Они виделись всё реже и короче. Вскоре пришло время, когда можно стало сказать, что их отношения совсем прекратились.

Герда по-прежнему жила у старушки, но из редакции ушла, сначала в цветочный магазин, а потом в Ботанический сад, где под руководством специалистов, целыми днями возилась с растениями, участвуя в каких-то выставках и проектах.

Её любовь затаилась после ожога разлуки, превратившись в тихую ноту боли, которая звучала без пауз, днём и ночью.

Иногда в саду она намеренно не надевала перчаток, пересаживая цветы: погружала пальцы в прохладную мокрую землю, и боль утихала.

В выходной день Герда собирала вещи Каева в кучу посреди комнаты и ложилась на них. Это был не сон и не бодрствование, не пляски мыслей, не наждак желаний, не смерть и не жизнь. Это было нигде. После этого можно было пить чай с соседкой, стирать, даже читать.

Но однажды, противная, как температура в сорок градусов, к Герде явилась компания: негодование, отчаяние и жалость к себе. Троица орала свои песни: за что? всегда был рядом, а теперь нет!? И прочее, в том же духе, переворачивающее внутренности. "Дружки" знали, что делали, потому что через несколько дней этого ора в голове, Герда схватила трубку, набрала телефон мастерской и, конечно же, услышала женский голос, который любезно удалился звать Каева. И это не был голос уборщицы.

Благоразумная Герда, очаровательная, спокойная Герда, похожая на ангела Герда никогда и не предполагала, что её может сдавить стокилограммовым осьминогом ревность.

Валил снег, болела голова, пропал аппетит, и Герда опять пробыла нигде целый месяц, только теперь эта боль напоминала зубную. А в новогодний вечер она сказала хозяйке, что приглашена в гости, надела изящные замшевые туфли, пальто, шарф, и вышла на расцветенную огнем набережную. Она пошла по ней, намереваясь в конце свернуть на центральную

площадь к большой ёлке, но по дороге, видимо, замёрзла на ходу. Потеряв сознание, Герда оказалась в реке.

Каев и в самом деле очень много работал и почти забыл о Герде, а когда он познакомился с какой-то женщиной, которая привлекла его, Герда окончательно стала воспоминанием детства. Таких женщин, которых он выбирал, оказалось несколько. С ними всё было одинаково, под копирку. Тех дам, что "охотились" на него, он не воспринимал, даже если они хорошо маскировались: Каев интуитивно их распознавал и не приближал к себе. С теми, что "под копирку", он тоже виделся всё реже. Больше всего ему нравилось ощущение свободы.

Жажда свободы, была, пожалуй, единственной причиной его разрыва с Гердой и дальнейшего одиночества. Он чувствовал, что Герда страдает, но не обижается. А боль – пройдёт.

В речке оказалось тепло, легко и приятно. Ещё было не всё ясно видно, – только весёлые огоньки в тумане, – пахло сладкими пирогами, где-то слышался праздник – смех и музыка.

Герда почувствовала, что опрокидывается на спину, как-то мягко и сладко, как в наполненную золотым светом лодку, и плывёт.

– А это не гроб? – спросила она с улыбкой, и лодка ей

ответила:

– Полежи здесь свободно, почувствуй себя женщиной, наконец.

Герда увидела на себе тонкое, словно парящее платье из сияющей перламутром сеточки, усыпанное живыми белыми розочками. Вдруг платье растаяло, и Герда ощутила себя обнаженной, голой, лежащей на мягких белых розочках. Она потянулась, тело словно разломило в неге, как раскрывающийся цветок.

– Мы плывем к нему? – спросила она добрую лодку, но вдруг всё исчезло, и Герда оказалась на зелёной лужайке. Она села, оглядываясь. В это время чьи-то ароматные ладони закрыли её глаза. Это была старушка – хозяйка квартиры. Она улыбалась и придерживала рукой разрисованное цветами платье "помпадур" – старое, но очень красивое.

Герда, оказавшаяся теперь в длинной белой рубашке, встала и пошла за старушкой в её садик. "И здесь цветы, как на работе и дома", – подумала Герда, усаживаясь в беседке к столику с чаем.

– Попробуй вишни, – сказала старушка, не снимая за столом своей шляпки, похожей на плетёную сковородку.

– Я хочу пить, – сказала Герда, словно кто-то выдавил из неё эти слова, а потом повторяла их, как кукушка в часах.

– Пей! – сказала хозяйка и расколола сахарок. С этим звуком всё опять переменялось. Герда лежала в своей кровати дома, а соседка поила её липовым чаем.

Выяснилось, что Герду сразу же выловили из речки и отвезли в реанимацию. Несколько дней назад её вернули домой долечивать воспаление лёгких. Герда изредка приходила в сознание; добрая старушка ухаживала за ней, как родная мать. Жизнь казалась Герде не совсем необходимой, а всё самое интересное – во сне – длилось дольше и было очень реальным.

– Он умер? – спрашивала Герда ласточек над рекой.

– Его нет на небе, – чирикали они.

– Наши корни в земле, – говорили цветы, – но там его нет.

– Куда он денется? Вернётся! Мы его подождём здесь, да? – ворковала старушка-садовница и взбивала для Герды красные шёлковые перинки, набитые синими фиалками.

Со временем Герда, видимо, так надоела всем окружающим существам своими расспросами "о нём", что был устроен мягкий цветочный суд.

– Чувствуешь ли ты к нему страсть? – жарко спросила огненная лилия.

Герда представила себе "страсть" и сказала:

– Нет.

– Он – твой рыцарь, и уехал в далёкие края. Ты сможешь ждать его на балконе много лет? – коварно обвился вокруг ноги розовый выюнок.

– Нет, не смогу, – с ужасом призналась себе Герда.

– Представь себе нежнейшую семейную идиллию с тремя хорошенькими детками, собачкой, качельками... – напевал подснежник.

– Нет, наверное, – с удивлением обнаружила Герда.

– Может быть, как-то очень красиво умереть вместе? – всхлипнул гиацинт.

– Упаси Бог!

– Может, лучше любить себя? – предложил нарцисс.

– Не знаю, – устало ответила девушка.

– Значит, он тебе как брат, – заключила старушка-прокурор, и суд закончился.

Приговор суда был так ужасен своей неожиданностью, что Герде захотелось убежать, что у неё легко получилось. Теперь вокруг были одни камни. Не то что травы, но даже деревьев не было видно. Зато на одном камне сидели две фиолетовые вороны, каждая размером с медведя.

– Где Каев? – спросила Герда.

Вороны, оказавшиеся в роликовых ботинках с серебряными шнурками, с ветерком двинулись по дороге к вершине горы, где возвышался замок. Герда побежала за ними. Её старинное красное платье трепал ветер. Когда стемнело, и зажглись звёзды, они добрались до ворот замка и проникли в кромешную тьму.

– А Каев здесь?

У ворон в темноте светились глаза. Здесь всё было из кам-

ня: лестницы, стены, мебель, стража. Вдруг вороны глаза исчезли. Герда стояла на пороге комнаты, озарённой жаром камина. Ступая по мягкому ковру, она вошла и увидела на высоком ложе, устланном шелками, под алым балдахином красивую голую женщину, с раскинутыми руками-ногами, а с нею рядом... Каева! Голого и прекрасного, ласкающего эту женщину!

Они не видят Герду, а она стоит и мысленно говорит осьминогу внутри себя: "Пошел же вон, наконец". Ей становится просто неудобно, как нечаянному свидетелю чьей-то близости.

Вдруг женщина замечает Герду, а та делает почтительный реверанс и произносит:

– Простите. Я вижу, как вы прекрасны, и как он любит вас. Ещё раз простите меня, я искренне желаю вам счастья!

Герда склоняет голову и чувствует только благоговение перед любовью. Уходя, она замечает, что это был не Каев, а другой, совсем не похожий на него мужчина. Он вместе со своей возлюбленной одаривает Герду роскошной серебряной шубкой и сапожками, а дама дарит шкатулку с драгоценностями и маленькую тёплую карету.

– Я еду к Каеву, какое счастье! – думает Герда и правда испытывает счастье.

Вся карета заставлена корзиночками со свежими фруктами и сахарными крендельками. Герда сладко дремлет. Но

стук в дверцу прогоняет сон.

– Войдите! – с удивлением сказала Герда, ведь карета неслась быстро и весело. В тот же миг напротив Герды появилось существо женского пола, ничем не примечательное. Оно не вызывало жалости, но и не пугало. Попросило бесцветным голосом отдать "ей" всё: шубу, еду, карету с лошадками. Герда отдала. Человек же просит. Одна мысль не давала ей покоя: как двигаться к Каеву? Словно прочитав эту мысль, существо подарило Герде глиняную фигурку зайца и растаяло вместе с каретой, крендельками и всем остальным.

Вдруг глиняный заяц на ладони Герды чихнул и раздулся до размеров автомобиля. Он оказался, к тому же, липким: Герда никуда не упала, когда с нею на спине, он рванул скачками в поле. Когда до леса осталось несколько скачков, у зайца вдруг вытянулись рога, и он стал совсем похож на оленя. Следующий скачок был последним, ибо "олень" со всего маху врезался лбом в дуб и взорвался, а у Герды в глазах вспыхнуло очень красивое северное сияние.

Это старушка-хозяйка зажгла на столике у кровати Герды ночник.

– Выпей-ка лекарство, дорогая, – сказала она, подавая Герде чай из трав.

– Спасибо, – Герда почувствовала от чая тепло в спине. – Мне гораздо лучше.

– Завтра приедет мой сын, – улыбалась старушка, пощи-

пывая свой пуловер английской шерсти. – Из Финляндии.

Старушкин сын от мужа-финна жил в Финляндии. Герда поправилась, и он увез её к себе, в большой деревенский дом на берегу залива. Кроме них там никого не было. Финн ловил рыбу и ездил на вызовы (он оказался врачом), а Герда стала разводить цветы. Чтобы не лежать пластом и не думать о Каеве.

Естественное стремление человека к свободе перешло у Каева разумные пределы. В конце концов, он оказался совсем один, испортив отношения со всеми. Но самым скверным было исчезновение Музы. Она как-то незаметно упорхнула, оставив Каева в таком мраке, в каком только бутылку можно было нащупать. К счастью, Каев не пил, не запил и теперь, а выпил всего лишь один раз. Но он напился так, что даже его Муза, находясь в это время очень далеко, содрогнулась, поёжилась и вздохнула печально.

Каев напился в ресторане "Малиновые ручьи", где отовсюду лилась струйками, потоками, ниточками и ленточками подсвеченная розовая вода. Сознание исчезло в момент выдачи Каеву пальто в гардеробе ресторана. Вместо того чтобы взять машину, он спустился в метро. На конечной станции кто-то вывел его на улицу и посадил в пригородный автобус. Каев сошёл с него на какой-то остановке прямо в сугроб и уснул.

Следующий автобус высадил тётку с сумками. Она увиде-

ла торчащие из сугроба ноги. И орала от страха, пока из следующего автобуса не вышел мужчина, и они оба начали лупить машину. Как ни странно, но Каева забрала белая "ауди", куда они впихнули его вдвоём. За рулем сидела женщина в белой шубе и белых перчатках.

Утром Каев проснулся от тошноты. Он лежал на заднем сидении "Ауди", под головой у него была подушка, ноги торчали в открытую дверцу. Машина стояла в кирпичном гараже, скорее, похожем на мастерскую художника: на стенах висели картины, под потолком – плетёный абажур. Было тепло, а в окно виделся заснеженный куст калины с ягодами.

Во дворе Каев определил, что находится на чьей-то даче. Толпа заснеженных ёлок окружала каменный дом. Каев прошёл по расчищенной дорожке к крыльцу, немного подумал, толкнул дверь и сразу почувствовал аромат горячего кофе. Его приятно замутило.

– Входите смелее, – услышал он спокойный женский голос, налёг на дверь, вошел и обомлел.

Он оказался в небольшом холле, перед ним стояла большая белая собака с человеческим взглядом телохранителя, а за нею – её хозяйка. "Она была так хороша! Он и представить себе не мог более умного, более пленительного лица". На ней был огромный вязаный халат из кроличьего белого пуха, застегнутый до подбородка, с широкими рукавами и перламутровыми пуговками... Каев-художник отметил большие светло-серые глаза, словно наполненные холодной

прозрачной водой северного моря, полноватые бледно-розовые губы, золотисто-пепельные волосы.

"Королева", – промелькнуло у него в голове. Стал ли он её пленником? Добровольно. Он потерял счёт времени, внешний мир – свою значимость. Влюбился? Вряд ли этими словами можно было определить охватившее его состояние благоговейного рыцаря, пажа Королевы. Вот вам Полярная Звезда – попробуйте влюбиться.

На первом этаже пол был белого мрамора с белыми медвежьими шкурами, а комнат всего две: столовая и кабинет. Второй этаж был устлан белым шерстяным ковром: комната и ванная, с короткой лесенкой в небольшую башенку со спальней Королевы. Столовую сторожили белые скульптуры гномов – один на плечах другого.

Корзину с едой приносила какая-то женщина, оставляла её в прихожей на столике и исчезала.

В кабинете, кроме книг и камина, стояло сухое дерево, упираясь ветвями в потолок, кресло и небольшой письменный стол.

Всё в этом доме было удивительно и просто, а роскошь заменял вкус. Кроме пса, в доме обитали белый кот и белая курица, которая вела себя очень тихо и мудро, а гадила исключительно в лоток.

Большую часть дня Каев был предоставлен себе. Однажды скука толкнула его к книгам. Он погрузился в чтение и потом каждый день после завтрака уходил в книги, как заколдованный. Библиотека Королевы содержала что-то завораживающее сознание. Вскоре Каев стал зачитываться текстами, написанными на совершенно незнакомых ему языках. Голова его, как компьютер, загрузилась таинственными знаниями об истории земли и других планет, звёзд, галактик. Он наполнился невозможными понятиями о невероятном, как рождественский гусь черносливом.

К вечеру Королева выходила из своей спальни в башне, куда Каев не смел даже заглядывать. Они ужинали и вели беседы, которые были как бы продолжением наколдованного книгами состояния. Однажды Королева рассказала сказку:

– На дне океана лежала двустворчатая ракушка. Вокруг неё в странном танце плавали ныряльщики, и она читала их мысли: жемчуг, жемчуг...

"Какой жемчуг? – думала ракушка, – где они его увидели? Я его не вижу, никогда не видела, ничего не хочу о нём знать!" И она уснула. А внутри неё – нелепого шершавого известкового чемоданчика, набитого слизью – таилась жемчужинка...

Ловец жемчуга бросил ракушку в корзину, потом её вскрыли ножом. Свет был такой яркий, что она потеряла сознание. Ракушку выбросили, она подсохла, остатки слизи

выели мухи, а створки подхватил мальчишка и запустил ими в другого мальчика, но промахнулся. Чемоданчик шлёпнулся на дорогу, и по нему проехала машина. "Так я – жемчужина?!" – подумала перламутровая бусинка, удобно устроившись в короне короля.

– А я пустой. Я пуст, Королева, – сказал Каев, – ведь не в каждой ракушке есть жемчуг.

– Иди за мной, – стеклянно-повелительно сказала Королева и подвела Каева к большому зеркалу.

Каев заглянул в него, и ледяной ужас снежной сороконожкой пополз по спине: в зеркале он никого не увидел.

– Тебя нет пока, – сказала Королева.

– Пока?!

– Пока в тебе нет любви, тебя нет. Тебя никто не видит, потому что ты не светишься. Ты тёмный во мраке, поэтому тебя и не видно. Тебя видят только те, кто тоже во мраке не светится.

Голова Каева трещала, как телевизор после окончания передач, и он не заметил, как оказался в башенке, в спальне самой Королевы, в её глубоких белых перинах. Она лежала рядом, и её волосы закрывали его, как сугроб, а глаза сияли полярными звездами.

– Ну как, плохо без Бога? – спросила она.

– Без Бога? Причем тут... Мне просто плохо...

– А кто Он для тебя?

Каев замялся.

– Никто, – вежливо сказал он.

– Сирота, – тихо прозвенел голос Королевы по ту сторону окна.

Вдруг она плавно вскинула руки и потянулась. Каев почувствовал озноб.

– А хочешь, – её голос взлетел птицей над всем дачным посёлком, – хочешь, я подарю тебе пару волшебных коньков и весь мир впридачу?

Он впервые услышал её смех: обаятельный ксилофон из сосулук.

– Я тебе помогу, – она наклонилась над его лицом. – Скажи, без чего бы не было тебя?

– Без ... жизни, наверное.

– Ну, ладно, bravo, мальчик мой, – улыбнулась Королева. – А без чего ты не можешь жить? Подумай.

Тут она поцеловала его между глаз мягкими резными губами. К горлу Каева подкатила дурнота такой силы, что показалась невысказанным блаженством, и голова почти с облегчением определила этот миг как пришествие Смерти. Она улыбалась ему нежно и казалась самым желанным существом на свете.

Каев всем существом почувствовал, что нет смерти как конца жизни. Нет пределов!.. Что за дивное чувство разливается по всему его существу! Да, существу, а не телу! Каев был больше, чем его тело, огромен и лёгок, радостен и... везде! Он был повсюду и нигде!

– Я ... не могу... без Любви...

Вселенная превратилась в хоровод поющих цветочков, перемешанных с искрящимися хлопьями снега, бриллиантовой россыпью огней.

Каев открыл глаза. Он лежал у шоссе в глубоком снегу. Было темно. Столпившиеся над ним звёздочки на небе улыбались ему бриллиантовыми глазками.

"Бог и есть Любовь. И Он везде. Любовь – совершенство. Совершенство – это Гармония. И только это есть смысл жизни. Раз она вечна."

Кто-то снаружи или внутри Каева закончил свой урок. Прошрое перестало иметь для него значение, будущее не занимало его. Он улыбался. И не шевелился. "Какое счастье!" – молча пел он весь.

Каев не сник, когда старушка-цветочница сообщила ему о нахождении Герды в Финляндии. Удивительное дело, какая же уютная эта жизнь! Тепло старой квартиры, эта пряничная старушенция, горы её горшков с розами, треснутый кафель в ванной, ласковая вода и мыло, пьянящий чай и сыр!

Он не удивился, когда стукнула дверь и в прихожей явилась Герда: он знал, что она вернётся. И обрадовался. А она уронила чемодан не от неожиданности встречи, а потому, что она увидела другого Каева, она его таким никогда не знала, а лишь рисовала в мечтах. Он обнял её, снежинки вспорх-

нули с её волос и растаяли во тьме.

– Каев, милый мой Каев, наконец-то я тебя нашла!

Старушка в своей комнате улыбалась распутившимся розам, осторожно вскапывая вилочкой землю в горшках, и говорила им:

"Завтра Рождество!.." А в темноте прихожей, в старом зеркале отражались двое...

– Румби, а как верить в Бога? – спросила Сисита.

– Только вести образ жизни, – со значением проговорил Румбольто деревянным ртом.

– Зачем?

– Выгодно, – поразмыслив, сообщил маг-затейник. – Воздаётся по вере.

– Значит, если я верю в любовь...

– Встретишь. Но лучше не ждать: хочешь любви – люби, – одна из звёздочек на мантии мага замерцала.

– Румби, мне надо начать любить жизнь. Это так хорошо! И выгодно: односторонней любви же не будет, раз везде гармония.

– Приятные хлопоты, – жмурился деревянный, – только не торгуйся.

..Мастер шёл по хрустящему ковру снега, придерживая поднятый воротник пальто. В чемоданчике, закутавшись в его рубашку, дремали Румбольто и Сисита.

А вокруг дышал мир Любви. Да, кое-кто в этом мире ещё дремал, как куклы в чемодане и жемчуг в ракушке. Но некоторые уже проснулись и чувствовали себя его неотъемлемой частью.

Феи в укропе

"Приютским детям Бог пошлет..."

Франсуа Вийон.

Два скомороха, Прошка и Ерошка, пробирались в темноте шкафа к щели света. Они невольно наступали на других кукол, как вдруг на их пути возникла непреодолимая преграда – громада куклы по имени Дама Жигонь, французский персонаж времен их буржуазной революции.

Это была пышная тетка в зелёно-чёрном полосатом корсете с красной шнуровкой, с чёрными кудельками волос, прилепленных к маленькой головке. Брови её были также угольно-чёрны, а рот – страшно красен. К тому же, по роли она без конца рожала. Причём сразу взрослых и усатых кукол-солдат, кукол-художников и прочий сброд.

– А пройти можно? – опасливо спросил Прошка.

– Вы же сейчас не будете рожать? – вежливо осведомился Ерошка. Дама Жигонь повернула в их сторону свою маленькую свирепую головку и произвела ртом неприличный звук.

– А ещё француженка, – ошалел Прошка.

– Брешут, что они очаровательны, – заключил Ерошка.

Куклы заворчали разными голосами тут и там:

– Господа, куда вы прётесь?..

– Эти русские вечно выпендриваются...

– Ребята, на места, я – директор...

– Мы к шкафиной щели, – виновато сказал Прошка.

– Воздуха хотим, – оправдывался Ерошка.

– Сидеть! – рявкнула басом Жигонь, и всё стихло.

Через минуту звенящей тишины послышался шёпот:

– Сядьте же, а то она родит.

В следующий миг послышался мощный удар, дверь шкафа распахнулась, и внутрь хлынул солнечный свет из окна напротив. Это сделала Жигонь своей крохотной, но крепкой головёнкой с буклями.

– Bravo, – сказали некоторые механически.

Жигонь зевнула и заявила:

– По Парижу скучаю.

– Кто же по нему не скучает, – слышались голоса.

– Мадам, – сказал деревянный еврейский Портной, галантно поцеловав Жигонину лапу, – от вас ещё не было сказки!

Все попросили что-нибудь о Париже.

– Об одном парижанине пятнадцатого века, – помолчав, сказала Жигонь. – Его звали Вийон, Франсуа Вийон. Он родился в Париже и прожил жизнь поэта, бродяги и пьяницы.

– А он так и не смог ничего получить за свои стихи, чтобы не бродить? – спросили несколько голосов сразу (куклы знают горькую сторону странствий).

– Хорошо получают издатели после смерти автора, – со знанием дела кивал себе деревянный еврей.

– Именно, – басила дальше Жигонь, – но мой рассказ – о следующей жизни Франсуа. Родился он опять мальчиком, но теперь здесь, в России. А точнее, в затерянном уральском городишке под названием Кукиши.

– Вот тебе и на, Париж! – присвистнул всегда грустный Пьеро.

– Давайте же послушаем, братцы.

И Жигонь загудела.

Ваня Августов поступил в Кукишёвский детский дом пяти лет от роду. Мальчик оказался немым. Его спросили, как зовут, может Ваня? Он кивнул. А фамилию дали в честь месяца поступления.

И правда, в ту пору млел август, и в Кукишах всё было пышно-зелено. Ваню помыли, одели и отвели к его кровати. Он сел на неё и оглядел всё вокруг с выражением полнейшего счастья.

С рождения Ваня помнил темный закопчённый сарай, который был его родным домом, а из живых существ – какую-то смердящую массу, из которой иногда появлялись кулаки и били его. Мальчик даже не смог бы сказать, что это было – мать или отец.

Однажды эта масса застыла на полу и больше не двигалась. Через пару дней она стала так смердеть, что Ваня изо всех сил пополз на воздух. Когда мальчика нашли, у него была дистрофия, и он был очень маленьким для своих пяти лет.

Учуявшие вонь соседи зашли к ним во двор и заявили

куда следует. С того момента Ваня совершенно не чувствовал себя несчастным. Его накормили нежной, тёплой, белой, сладковатой кашей, которая стала самым драгоценным яством на всю ванину жизнь. Кожа на руках, ногах, животе, спине и попе перестала чесаться и жечься, – её мыли и смазывали чем-то мягким и приятно пахнущим.

– Это что, в Кукишах услуга по первому классу? – спросил Прошка.

– Мазали детским кремом, а кормили манкой. Всё познаётся в сравнении, – двинула в его сторону бровями Жигонь.

– Простите, мадам, за что же бывшему поэту такое детство? – вставил еврейский Портной.

– Вийоном он сам пил-гулял будь здоров, – хрипло залаяла Жигонь. – Наверное, у него и брошенных деток было... А наживал он их часто с последними девками, которые за детьми не собирались ухаживать (тут она, между прочим, протянула ручищу и вытерла нос какому-то наполеоновскому солдатику). Вот и сам он узнал теперь долю такого младенца. Да детство ему не всё плохое досталось – только четыре года, а на пятый – манка с небес.

– Знаете что, – ехидно подметила куколка женского рода в компании жигониных сынков-художников, – вот всегда так на творческих людей наговаривают: пьяница и бродяга!

Пьяница, бродяга, вор и хулиган. Хотя, я не сомневаюсь, что это он тоже делал творчески, талантливо; страдал, много осмысливал, – включился в разговор гундосый Старичок с

книгой. – Вот пожалуйста – стихи Вийона:

"На днях, незадолго до Рождества,
К Сигошке-медвежатнику в кабак,
Гляжу, уфиздипупила братва.
Народу – как невешанных собак!
А уж сама орава какова!
Марухи, фифы-рюши-кружева,
Шакалы, шкоды, щипачи-роднули,
Барыги и отребье-цыганва
Питушницу вдругорядь траханули!"

В наступившей тишине со стуком упала на пол шкафа деревянная балеринка.

– Ты, если умный, другой раз предупреждай приличную публику, – махнул цветным рукавом Ерощка.

– Здесь же дамы, – добавил Портной.

– Погодите, старикашка зачитал вам стихи, записанные на тогдашнем, пятнадцатого века, воровском жаргоне, но кроме них, у поэта есть очень даже великие стихи, не сомневайтесь! Их он читал на поэтических состязаниях при герцогских дворах, – пояснила Жигонь, махая страшным кулаком. Это был аргумент, и все успокоились. Только Палач с головой из клееной ваты тихо буркнул в пустой чехол из-под топора:

– Знаем мы этих герцогов, рубили. Из такого же добра сделаны, как и все остальные...

Детдом в Кукишах был очень маленьким: всего пара десятков ребятишек и человек пять взрослых, чтобы их воспитывать. Учреждение помещалось в изуродованном пристройками бывшем доме купца, с оградой и палисадником. Все окошки были зарешечены, кое-где в два ряда. На всех дверях замок или несколько, давно ржавые изнутри и снаружи.

Укреплял решётки, навешивал замки и сторожил этот дом старый глухой контуженный солдат Чулков, единственный человек, который здесь и проживал с сиротами. На чердаке у него была комнатка с "буржуйкой", железной койкой времён купца и табуретом. "Буржуйку" он называл "женой": она давно и верно кормила и грела его.

Несколько лет назад Чулков прикормил во дворе собаку – для охраны, конечно, – с будкой и на цепи, но заведующая детдомом велела всё это убрать. Теперь втихаря приходила сквозь прутья серенькая кошечка Тася, и Чулков выносил ей еду. Эту кошку он называл "любовницей".

Взамен фауны солдату позволили посадить две грядки с укропом, которые Чулков заботливо поливал каждое утро, начинавшееся у него, самое позднее, с пяти часов. Не спалось, потому что зори – вообще пора блаженная, а кемарил солдат во время занятий ребятишек.

Заведующая детдомом, крепкая деревенская баба, в вечном трикотинном платье со страшными горящими цветами и белым отложным воротничком, преподавала сиротам ма-

тематику и физкультуру. Детей звала по фамилиям, не брезговала иной раз сама помыть полы, говорила громко, обедала с детьми и персоналом. С русским языком она обращалась так, как считала нужным. Подтолкнув однажды Ваню в свой кабинетик, чтобы он взял для урока картонные таблицы, она сказала:

– Не столбеней, Августов, здесь не страхи!

Зоологию, географию и историю детям рассказывало существо неясного возраста, с тихим голосом, худое, бесцветное, кашляющее, какое-то сиротливое и потому родственное брошенным детям, которые это существо не обижали, молча слушали науки.

Закон божий, по последней моде, приходил читать добрый и сдобно-приятный батюшка, отец Симеон Голубев, называвший детей "отроками". Дети радостно окружали человека, которого можно было всем называть по-семейному, "батюшкой". От него веяло домашней жизнью и лаской. Ваня был уверен, что Голубев – это летний дед Мороз, весной и летом переодевающийся в рясу, чтобы только приходить к ребятам, которых он искренне любит.

Поварихой и уборщицей была тётя Клава, – постаревшая сельская женщина, суетливая, не злая, старавшаяся из скудных продуктов готовить по-домашнему вкусно, потому что жалела детей.

Единственным человеком из взрослых, производившем на Ваню особое, гипнотическое воздействие, была учитель-

ница литературы, русского языка и рисования Наталья Петровна, – молодая, красивая женщина с фигурой невысокой русалки, пшеничной косой в узле и мягкими руками. По совместительству, как это часто бывает в глубинке, Наталья была медсестрой: мазала детям ободранные коленки йодом, делала прививки, перевязывала пальцы, давала витамины и таблетки. Ваня любил её глубоко, восторженно и нежно. Иногда он потихоньку рассматривал её формы, губы, шею. Эти минуты превращались в вечное блаженство.

– Хороший мальчик, – хихикнул кто-то.

– Мальчик ныне, а в прошлом – Вийон, бабник и гуляка, узнал душой и подсознанием в этой женщине свою былую роковую любовь – Катрин Воссель, которой посвящал много стихов, – басыла Жигонь. – Училка эта и была следующим воплощением игривой Катрин: та в своё время многовато посмеялась над поэтом, презирая стихи и вообще все буквы, а теперь вот учит азбуке сирот...

Всё по карме, деревяшки, – учёно вздохнул Прошка.

Жигонь продолжала.

Если бы Ваня Августов мог говорить, то его немедленно начали бы лечить. Но, слава Богу, он молчал и только улыбался. Дело в том, что Ваня видел не только людей, он повсюду видел много разных других существ, и не во сне, а наяву.

Сначала он увидел маленьких духов вкусной еды над первой тарелкой манной каши в своей жизни. Духи были весё-

лые, молочно-прозрачные; они кувыркались над кашей в облаке пара поодиночке или хороводами, словно для них настал праздник. В другой раз, войдя в класс, Ваня застыл в удивлении и восторге: всё пространство классной комнаты занимал никем не видимый, кроме Вани, огромный ангел, сидящий на корточках и выдыхавший разноцветные огоньки на бритые головы ребяташек. Если бы ангел встал, он был бы выше крыши детдома. Он заметил вошедшего Ваню, подмигнул ему и дунул в его сторону. Цветные огоньки приятно зашекотали макушку.

Но самыми завораживающими были крошечные феи, обитавшие в укропе на грядках Чулкова. Задолго до подъёма детей Ванечка выходил во двор и садился на корточки в полуметре от укропа. Чулков не прогонял его, поняв, что укропу ничто не угрожает. Солдат сидел у дома на лавочке, пыхтя папироской. Ваня ждал, когда луч солнца выйдет на грядку и заиграет в тысячах капелек на политом из лейки укропе. Это зрелище превосходило всё виденное Ваней: длинная, плотная, зелёная шапка-грядка, усеянная сияющей россыпью бриллиантов!

Однажды Ваня заметил, что бриллианты чуть движутся, как бы дышат, и тут он увидел фей: бледно-зелёных, сиреневых и розоватых тонконогих существ, которые махали широкими рукавами и тихонечко пели. То есть некая нежнейшая музыка, которую Ваня слышал, струилась из их ротиков. С лучом солнца, двигавшемся по двору, уходили и феи. То-

гда немой мальчик сажился на скамеечку к глухому солдату.

В хорошую погоду батюшка Симеон Голубев рассказывал детям о Боге, разместив "отроков" в палисаднике. Ваня слушал об удивительной жизни Сына Божьего. О самом Боге Едином батюшка почему-то говорил мало. И по его книжке выходило, что вроде бы Он Вездесущ, а вроде бы находился где-то очень далеко, не здесь, и после сотворения мира больше сюда почти не показывался. Как родители всех этих детей, окружавших священника. Ване больше нравилось думать, что Бог по-настоящему Вездесущ. А если верить себе, то кроме Жизни, никакого другого Бога Ваня не знал и не видел вокруг себя. И этот Вездесущий Бог мальчика вполне устраивал. Когда Ваня ложился вечером в свою кровать, ему очень хотелось, чтобы кто-нибудь сел рядом и положил руку на его одеяло. И он знал, что Бог это делает. Самое главное, что Бог разговаривал с Ваней. Правда, он не слышал Его голоса, как и своего, но понимал Его язык, если был чуток. Тогда вся жизнь вокруг была обращением к нему, Ване, Единого Бога.

Однажды в тихий час, когда все спали на своих коечках, Ване не спалось. Обычно детей, независимо от возраста, "пеленали": укрывали простыней по плечи, натянув её так туго, что не пошевелишься, и подтыкали по бокам. И Ваня лежал, как и другие ребята, прибинтованный к кровати. Другой ребёнок на его месте видел бы только лозунг на стене напротив: "Любите Родину – вашу мать!", прибитый Чулко-

вым почему-то именно в спальне. Но Ваня видел столб света из прожектора, которым являлось солнце. Этот поток с пляшущими пылинками упирался в спелёнутое Ванино тело и грел его. Окно было раскрыто: слышалось отдаленное ворчание солдата Чулкова на кур с соседнего двора, которые постоянно нарушали границу, легко пролезая между прутьями ограды, заходили в палисадник и, чёрт бы с ними, – гуляли! Нет, кидали помёт где попало, а заведующая после бранила Чулкова.

Ваня лежал и слушал Бога. Сейчас это был и зной, и кудахтанье кур, и дыхание спящих детей. Вдруг в луче света на стене с лозунга засветило слово "мать", и Ваня задумался. Что Бог хочет этим ему, Ване, сообщить? Ничего не приходило в голову, подкрадывался сон.

И тут в открытое окно прямо на Ванин живот впорхнул со двора здоровенный петух и весь засиял в луче, топчась по Ване пренебрежительно. Как он был красив! И мальчик понял Бога. Вот тебе выбор, может, на всю жизнь: или ты хочешь быть спелёнутым, или свободным, как птица, – будешь купаться в свободе, как в потоках солнечного света! Ваня ещё не успел сделать выбора, а только беззвучно и совершенно счастливо смеялся в блаженстве и радости, что Бог разговаривает с ним.

За ужином, когда духи вкусной еды праздновали своё упоение жизнью, паря над морковными котлетками в тарелках ребятишек, Ваня вспомнил то, что забыл. Днём, перед тем

как появился петух, в том же луче ему явилось слово "мать". Что ты хотел ещё сказать мне, Боже? И в миг вопроса Ваня почувствовал, как в его стучащееся сердечко пришёл ответ. Он был не мыслью, а чувством. Ваня изо всех сил постарался удержать это сокровище в груди, даже положил ладонь на рубашку.

Он назвал бы его приближение. Чего? – было совершенно неясно сейчас, но будет понятно потом! И Ваня беззвучно смеялся. Заведующая, наблюдавшая за воспитанниками, погрозила Ване пальцем и наметила про себя показать Ваню психиатру: всё время смеётся.

Теперь Ваня был уже большой, – семь лет! – и он знал, что мать – это женщина, у которой есть дитя. Ваня был убеждён, что матери у него не было пока, он никого не помнил в прошлом. В будущем, конечно, мать будет, это точно. А где же она сейчас, ведь она уже есть на свете, как и Ваня? Почему они не вместе? И вдруг набежала туча. Ваня решил, что он должен что-то сделать сам, чтобы появилась его мать. Что!? Постепенно мальчик стал приходиться в отчаяние. Поговорить ни с кем он не мог, немой, и только во все глаза смотрел на Наталью Петровну. Однажды она даже отправила его в постель прямо с урока.

И лежал Ванечка Августов на своей койке, по-настоящему умирая от желания обнять и быть обнятым. Ваня заболел, не вставал с постели, все ухаживали за ним. Появилась боль в груди, и она становилась всё сильнее. Однажды Чул-

ков нашел Ваню на грядке. Мальчик лежал лицом в мокром укропе без сознания.

– Да что же это за наказание такое, а? – возрыдала какая-то кукла в углу и затихла.

– Вийон посвятил своей матери стих... – сказала Жигонь, но Старик с книгой прервал её.

– Позвольте мне! – он раскрыл руки вместе с книжкой и зачитал:

"А бедной матери моей
за слёзы, горе и досаду,
за боль, что я доставил ей,
дарю смиренную балладу.
Пусть ждут меня все муки ада,
пусть я живу, судьбу кляня, -
моё прибежище, отрада,
старушка-мать простит меня!"

– Черёд Вийоновой любви так и не дошел до его матери. Она умерла в одиночестве, нищете и неизвестности, словно и не было её, исчезла, а теперь – вот, – Жигонь помолчала. Молчали все. – Теперь он так ждал её, что даже жизнь без неё гасла.

– Пока дождёшься, дитёнок помрёт, – шепнул Ерошка, обнимая Прошку.

Ваня оклемался, по выражению Чулкова. Солдат ухаживал

вал за ним больше других и даже тайком на ночь приносил Тасю, – гладить и греться. Он читал, что все кошки – лечебные.

Мальчик стал уже выходить со всеми гулять в палисадник, и персонал забыл о его хвори, – забот хватало. Укроп съели, грядка была пуста. Дети бегали-играли, а Ваня сидел у забора, лицом на улицу. Прошла осень, навалило снега. Теперь никто не мог подойти к ограде, потому что Чулков устроил из снега стену вдоль забора, и улицу закрыло совсем. Дети бегали друг за дружкой, играли в снежки, а Ваня прятался в снежной крепости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.